

Сказка — эпизод 3 из 3

Холщевников остановился.

— Ну, а что же, папа, дальше? — спросил Котик, глядя на него темными, внимательными, широко раскрытыми глазами.

Иван Тимофеевич встряхнул волосами, и голос его зазвучал почти гордо:

— Пришел принц во дворец. Он не испугался страшных львов: Сомнения, Бедности и Зависти, сидевших на цепях у ворот, потому что с ним была прекрасная фея. Он зажег священный огонь от золотого жертвенника, усеянного бриллиантовыми звездами, и пошел с ним домой, в свое королевство. И когда он возвращался из дворца, то львы лежали у ворот, как ручные собаки, и лизали следы его ступней, лес расступился в стороны, образуя широкую гладкую дорогу, а прекрасная фея превратилась в принцессу (она была раньше заколдована злой волшебницей) и с тех пор никогда уже больше не покидала принца. Что же касается остальных братьев, то некоторые испугались трудной дороги и остановились на середине, а иные возвратились домой, и над ними все государство смеялось. А младший принц со своей прекрасной принцессой стали жить да поживать, да добра наживать. Так-то, мой Котик.

— И все, папа? — спросил разочарованным голосом мальчик, потихоньку сползая с отцовских колен.

— Все, мой мальчик. Иди-ка теперь лучше, мой маленький принц, спать. Попрощайся с мамочкой и с Гришей.

— Нехорошая сказка, — сказал мальчик, однако послушно встал, поцеловал Лидию Львовну, которая заботливо и бережно его перекрестила, потом поцеловал Баханина и, взявши за руку отца, пошел в детскую.

С помощью няньки он раздел Котика и уложил его в постель. В детской было полутемно. Слабо мерцала розовая лампада у образа, отражаясь дрожащими наивными искрами на золотой ризе темноликого угодника.

Котик улегся на правый бок, подложив под щеку сложенные ладони, и спросил:

— Ты, папа, всю эту сказку рассказал? До конца?

— Всю, Котик. А что?

— Да так. А где же теперь этот сын?

— Сын? Сын еще не сделался королем, но зато он женился на фее, и у них есть маленький сыночек, вот вроде моего Котика... Только Котик не любит писать под диктовку, а сын принца пишет с удовольствием.

— А отчего же, папа, они называли его Иванушкой-дурачком?

— Потому, голубчик, что он был совсем простой и бедный. Да он и впрямь был бы дурачком, если бы не повстречался с прекрасной феей. Заблудился бы он, дикие бы звери его...

Глубокое и ровное дыхание Котика говорило, что он заснул, не дослушав ответа на свой вопрос. Холщевников с умиленным и растроганным сердцем перекрестил сына и, тихо ступая своими лайковыми туфлями, вышел из детской на террасу.

Ни Лидия, ни Баханин не слышали его шагов. Она лежала у него на плече и, закинув назад голову, с полуоткрытыми, смеющимися влажными губами уклонялась от его поцелуев. Черные кудри и пепельные завитки смешались... Видно было, что сопротивление Лидии волнует обоих: она побледнела, а смуглое лицо Баханина покрылось розовыми пятнами и приняло умоляющее выражение. Наконец она, точно обессилив, со страстным вздохом, похожим на стон, прижалась губами к его губам и порывисто обвила его шею своей прекрасной полуобнаженной рукой...

Сказка окончилась...